

В тяжёлых мыслях Всеволод уснул с письмом на груди и проснулся с твёрдой мыслью о том, что необходимо ехать в Стрелки к Людмиле Оковне – родной бабушке, и там передохнуть, а ещё у него осталась твёрдая мысль, что эта мысль пришла сама.

- А бабуля у меня-я-я... – всё ещё хмельной с отдыха в тереме «У Иннокентия» Всеволод навязчиво рассказывал о своей жизни попутчику, помятому с накладной бородой немолодому мужчине. Тот косился водянистыми глазами в окно купэ и, явно из врождённой учтивости кивал и даже иногда слабо улыбался Всеволоду. Всякий раз, когда он улыбался, на лицо падала призрачная тень бледноты. – Я ж к ней сейчас и еду на побывку. Как в армии, ей богу! – Всеволод хлопнул попутчика по коленке, тот вздрогнул. – Как в армии. – туманно повторил Всеволод. – Да, в армии я, слава богу, уж ох в каком бородатом году отслужил, не одну пару кирзачей стесал. Да-а... А вы... простите, как вас, э-э-э... величать?

- Стругацкий Семён Ильич. – он едва заметно приподнялся.

- А я Всеволод. – радостно подхватил Всеволод. – Еду в Стрелки, к бабушке на побывку. Вот. Вроде устал, как бы. Вроде воевал, как бы и... устал. А вы... воевали?

- Только с самим собой.

Неожиданно для Всеволода и незаметной, похожей на дорожное покрывало молодой матери, что тихо сидела по правую руку со спеленованным младенцем на руках и с любопытством разглядывала их Семён Ильич расстегнул рубашку, оттянул борт пиджака и, сначала Всеволоду, а затем молодой матери показал глубокий голубо-бежевый рубец на груди.

- ?

- Утюгом вжигал. – так же водянисто, как и его взгляд пояснил мужчина.

- Выжигал? – Всеволод подался корпусом вперёд, словно его потянули за поводок.

- Вжигал. – Семён Ильич сильно надавил на «в». – Хотел сердце себе выжечь, да сил не хватило – без сознания, ап. – он надул губы и смешно ими шлёпнул. – Грохнулся.

- М-да-а... история. – покачал головой Всеволод. – Вот уж действительно, война. Даже неловко вам сейчас о своих суетах рассказывать.

- А давайте в лодыжки сыграем? – неожиданно даже для привыкшего к резким движениям Всеволода молодая мать извлекла из-за пазухи берестяной коробок и вывалила на стол раскрашенные бараньи суставы.

- А-а... – открыл рот Всеволод.

Тут двери купе отворились, и в дверях возник нескладный молодой парень с сильным явно врождённым дефектом на лице. Обоперевшись о косяки локтями он с граничащей со слабоумием добротой обвёл глазами присутствующих и уже было открыл рот, чтобы поздороваться, как тут Всеволод рассмеялся. Лицо парня вмиг побелело, он так растерялся, что локоть его соскочил с косяка, и он ввалился в купе. Всеволод всё пуще смеялся, что-то пытался сквозь смех говорить, указывал на парня пальцем и снова смеялся. Семён Ильич непонимающе на него глядел. А парень тем временем выскочил в коридор и, не закрыв дверь, рыдая в голос, помчался по проходу.

- Что вы делаете!? Дикий вы человек. Он же калека. – раздался немой голосок молодой матери. – Вы, в-вы... – он затрясла перед собой миниатюрными кулачками.

- И вправду, как-то неловко. – заёрзал на своём месте Семён Ильич.

- С-счас... – Всеволод усилием воли подавил смех. – С-счас, я в-всё объясню. У-ух, давно так не смеялся, как всё равно с горки на санях скатился. Вы видали? – он указал на распахнутую дверь. – Каков.

- Каков? – нервно передёрнула его молодая мать и сгребла суставы обратно в коробью. Обиженно добавила: – А я к нему со всей душой...

- Да. – Семён Ильич гладил пальцем лакированную крышку стола. – Нельзя так. Этот человек не виноват в том, что родился... несколько не таким, как мы, несколько иным. Но-о, это же не означает, что он не такой, как мы, просто... просто несколько инакоодарённый. Ведь жизнь это дар, нем дана в дар такая внешность, а его одарили другой, ну нельзя же за это...

- Да вы что? – даже несколько растерялся Всеволод. – Постойте, о чём вы? Какие дары? У парня костюм спортивный. Вы что не видели? Такие только кресты деревенские или быдло городское носит. А если, как у этого придурка – с туфлями бальными, то уж совсем...

- Постойте, так вас костюм насмешил?

- Ну, да. – посмотрел в его водянистые глаза Всеволод. – Особенно надпись на всю грудь «Бауэр».

- А что это означает? – несколько смягчила гнев молодая мать.

- Крестьянин.

- Вот уж истинно. – она так стушеввалась, что едва говорила. – Всё познаётся в сравнении.

- Как истина в праздности. – буркнул Семён Ильич и снова отвернулся к окну.

- Пожалуй. – Всеволод вобрал полные лёгкие воздуха. – Пожалуй. Только вот праздность слишком уж, как мне понимается, праздное понятие.

- Да, масло масляное. – без злобы сказал попутчик и улыбнулся.

- Мне кажется, здесь уместнее было бы применить такой термин, как безделье. – продолжал размышлять Всеволод. – Понимаете, праздность – это что-то сродни со сном души, а во сне, не знаю, как вам, а мне хорошо, я даже, если позволите, там истинно живу. Понимаете – хорошо душе в её сне. А безделье – это скорее сон дел. Ну, нечего делать! Понимаете?

Семён Ильич кивнул и привычно уставился в окно.

- А в делах, в суете-е... – увлечённо продолжал Всеволод. – Как танкист в броне своей машины прячется. Сидит весь такой неуязвимый и себя не видит. Толи дело – в безделье. Это ведь на самом деле страшнейшее испытание для неподготовленного человека. Как вы считаете?

Всеволод плавно обвёл взглядом сначала Семёна Ильича, затем молодую мать, затем снова Семёна Ильича.

- Ну? Что вы думаете по этому поводу? Вот мне интересно мнение женщины, да к тому же матери. Меня Всеволодом кличут, а...

- Екатерина.

- Екатерина. – произнёс он в слух непривычное слуху имя и, словно стараясь его материализовать, посмотрел в потолок. – Как вы считаете, Катерина, стоит ли человеку бояться безделья.

- А вы нальёте?

Всеволод молча налил Катерине стакан портвейна и протянул.

- На мой взгляд. – девушка говорила так тихо, что Всеволоду пришлось прислушаться. – На мой взгляд, по настоящему человека можно и узнать-то только в безделье. – она сама себе усмехнулась. – Один древний, не помню его фамилии, говорил про горы, а я говорю, чтобы по настоящему узнать человека, ровно, как и человеку самого себя узнать, нужно поместить его в пустоту его окружения, то есть лишить дел. В идеале – это должно быть абсолютно несуществующее пространство, даже границ не должно быть, чтобы у него не возникало желание преодолеть их. Но это уже так – утопия, бредовые фантазии. – она в один глоток осушила стакан. – А по простому – отбери у человека дело и, коли он пуст, то будет страдать от пустоты, а коли полон сосуд, то, то...сам себя выпьет, да и отравится к чёрту.

- А ещё? Ещё варианты есть?

- Есть – понять, что пустота не вокруг, а внутри. А потом, осознав, что ты пуст, наполнить себя из окружающего великолепия таким напитком, который тебя не отравит.

- Да-а... – нахмурился Всеволод.

- А...м-можно мне? – Семён Ильич оторвался от дороги и поднял свои тяжёлые мокрые глаза на Всеволода.

- А...не отравитесь? – с доброжелательной иронией спросил Всеволод.

- А с чего вы взяли, что я пуст?

С почтительной тишиной, как и пять минут назад Катерине, Всеволод наполнил стакан и протянул:

- Вот так бы сразу. А то сидите, как на допросе. Возьмите колбаски. – он учтиво кивнул на кусок варёной колбасы. – Берите, не стесняйтесь.

- Да уж нет, спасибо. – как-то вдруг насупился Семён Ильич.

- ? – не понимая, уставился на него Всеволод.

- Понимаете. – размазано протянул Семён Ильич. – Я в молодости на одном большом, правда, не очень легальном заводе трудился, по производству колбас, сосисок, ну, и всего прочего, там. Так вот я вам такое расскажу. Вахта моя заключалась в том, что бы следить за подачей мяса в мясорубку, огромную такую мясорубку, ну, метров двадцать в диаметре, не меньше. Там мосточки такие, мостики, кабина моя. И вот знаете, как это чаще всего и бывает, всё предусмотрели, а главного, как водится, нет.

- ?

- Не догадались? Удобств нет.

Катерина негромко рассмеялась.

- Да-да – удобств. А по инструкции, я не имел права отлучиться с дежурства больше чем на три минуты, чего при самом благоприятном раскладе не могло хватить на то, что бы сбежать на первый этаж и там, в туалете совершить свои, так сказать, дела. И я сначала, первую смену мучался, аж, помню, извёлся весь. А вокруг всё из железа, пол, шкафчики, станки, ничего лишнего. И я как-то поинтересовался у коллег, а таких мясорубок одновременно работало шесть штук, как они с нуждой-то борются. А они так рассмеялись, говорят, салага ты, так терпеть будешь, через год член стоять перестанет – поливай в мясорубку, там всё равно оборот такой, что ты там погоду не сделаешь. А ежели по большому? Спросил я. Туда же, дружно сказали они и снова хором рассмеялись. Так вот, дорогие мои попутчики, за свои семь лет службы я туда срал чаще, чем в унитаз. Вот так вот. Но это ещё пол беды. Понимаете, работали там исключительно нелегалы: беженцы всякие, заключённые беглые, ну, вы понимаете, не регистрации, ни документов. Так вот раз пропал один мой коллега. Ни на работу ни является, ни в общежитии не ночует, а на его месте другой околачивается. Ну, я подумал-подумал, да и забыл. А потом, вы только представьте, уж многие десятилетия спустя, уже на зоне,

встретил я одного своего бывшего коллегу, так тот по крепкой пьянке мне и шепнул, что, дескать, своими глазами видел, как тот, поскользнулся, да в котёл и угодил. Говорит, прибегаю, а его уж ножами в фарш перекручивает всего. Я начальству, а тот – кому скажешь, сам в том котле окажешься. А ещё обмолвился, да это уж совсем вскользь, ведь он там самый старейший рабочий был, что, дескать, любили местные братки трупы ненужные к нам на фабрику возить. Догадайтесь зачем. Так что вот такая колбаска. А ежели застоится что или уж порченное придёт, так простое решение было: пускаем в оборот, хорошенько специями стравливаем да и название даём какое подходящее, вроде «Колбаска пикантная» или «Мистер перец»...

- Какой ужас, Семён Ильич, лучше б вы мне этого не рассказывали.

- Да уж. – Всеволод с подозрением посмотрел на колбасу.

- По-вашему, так лучше вообще ничего не знать. – несколько оскорбился Семён Ильич. – Жить в спичечном коробке, которым торгуют и рано или поздно продадут или подожгут. Лучше!? Лучше!?

- А альтернатива?

- Альтернатива... Альтернатива есть всегда. И знаете, что интересно. – продолжал, всё более раздражаясь, свой рассказ Семён Ильич. – Я ведь совсем недавно на той фабрике был. Ничего не поменялось. Даже в сторожах работает мужичок, который меня срать с мостика учил. Поседел весь, спился. Посмотрел я цеха – всё, как было во времена моей молодости, даже станки те же, только выкрашены в другой цвет. А вы, как я понимаю. – Семён Ильич сам оборвал затянувшуюся тему и пригубил. – К бабушке от пустоты едете?

- Да вот, как раз наоборот – дел столько, что не разгрести. И тут уже, я видимо, без всякой философии, просто еду отдохнуть, с родным человеком повидаться, душой, скажем так, отогреться. У меня бабушка, знаете какая? Я вообще из Сибири. Там родился, там и вырос. Дед у меня рано погиб – его при облаве в одном ночном клубе завалили.

- А за что?

- Дурь толкал. – скривил губы в виноватой улыбке Всеволод. – Да он, как мне рассказывали, и не кидался, просто его по заказу завалили, вроде как под шумок, а на самом деле... Ну, вот и рос я с бабкой.

- А родители?

- А я не биологический.

- Да? – в один голос сказали попутчики.

- А так и не скажешь. – Катерина вытянула голову, чтобы получше рассмотреть Всеволода.

- Обычно все так и говорят. – усмехнулся он. – Не похож – говорят. А я говорю: на деда своего похож и это главное. А бабушка меня и баловала, не растраченную любовь свою к деду на меня изливала. Бывало, я ещё с постели не подымусь, а она уж в тайгу сходит, медведя завалит и в дом тащит. Только я глазоньки свои ребячьи продеру, а глядь: он родимый стоит ко мне попкой, великан, хозяин тайги и попкой ко мне мохнатой повёрнут, и даже надрезан, как положено. Вот какая у меня бабушка. И я так, знаете, прямо из-под одеяла, как нырну в него, счастливый, беззаботный! Нырну и ем его: брюшину выедаю, грудной отдел, а как до сердца добираюсь, кричу!: бабушка, нашё-ё-ёёл!!! И она тут же разрывает, представьте, голыми руками ему грудь, ревёт, как умалишённая, вгрызается зубами в сердце мною протянутое, затем хватает меня на руки, и уже мы вдвоём в медведе купаемся. А вечерами она мне всякую одежду из шкур выделывала. Да... Как вспомню, слёзы наворачиваются. – подбородок Всеволода задрожал. – А я, говно, семнадцать лет к ней не то что не приезжал, а даже письма сраного не написал, не позвонил даже... А ещё «кумов» она для меня закручивала. Сымет бывало косынку, или исподнее какое да и выкручивает руками умелыми: то зайка у ей с тремя ушами получится, то кенгуру, но в почёте были «кумы». Навертит она их с десяток, на столе расставит, да кулаком, как грух! Грух! Гругу-гу-грух!!! – Всеволод увлечённо загрохал кулаком по столешнице. – А они и пляшут и подскакивают, кругами плечо в плечо вышагивают. Грух! Гру-гу-гу-грух!!! Вот такая у меня бабушка!

- А что ж она?

- А я как телефон сменил, так и не разговаривали мы. Да я уж раз пять номер менял. И ведь какая скромная была она у меня, терпеливая. – Всеволод сокрушённо покачал головой. – Вот вы только представьте – дом у нас трёх этажный, даже четырёх, если подвальные комнаты учитывать, не дом, а шатёр, короче, зал огромный – на телеге разъезжать можно. И во всём этом богатстве я один жил. Да-да. Бабуля себе только чуланишку небольшую отвела, ну, вроде «тёщиной комнатухи», как в народе говорят, и там и жила, тише таракана жила, за мной глядела. Медведей мне из тайги водила... – на глазах Всеволода проступили слёзы. – А-х... а... сейчас, вот знаете, друзья, по миру то поездил, да почитал писем, что бабушкам их благодарные внуки шлют, да как посмотрел на тех бабушек, что памятью о себе нетленными стали... стыдно мне сделалось, ой как стыдно. И, представляете, как всё равно судьба мне ниточку бросила, как всё равно проведение: письмо мне одно в руки попало, и, как током меня, всё равно пробило, во. И поехал я тогда, и поехал, пое...

- А у меня мужа слон растоптал. – сама себе сказала Катерина.

Повисла многотонная пауза, и в возникшую тишину ворвался стон позвякивающей о стакан ложечки.

- А я только из тюрьмы вышел. – нарушил тишину Семён Ильич.

- А-ха-ха-ха. – рассмеялся Всеволод.

Катерина удивлённо на него посмотрела.

- Чего? – сквозь смех уставился и Всеволод на неё.

- Да так. – она поправила свёрток с ребёнком. – Начинаю привыкать, что вы смеётесь над тем, что ещё не сказано.

- А, вы про это. – вытер слёзы Всеволод. – Я просто до того, как к бабушке поехал в тюрьме вертухаем служил. Вот тебе и каламбур – тебя из тюрьмы выпустили, а я из тюрьмы ушёл.

- Что-то не разгляжу я в этом никакого каламбура.

- Действительно, Всеволод, ерунду какую-то сказали и смеётесь. С крестьянином и то яснее было. – слабо улынулась Катерина.

- Ну, ладно-ладно, будет вам.

- А там где я сидел не было вертухаев.

- В Коломенном квадрате, небось? – со знанием дела произнёс Всеволод.

- Да, там всё автомат, вплоть до начальника тюрьмы.

- Ну, это утка, не верьте. Есть там начальник, и я даже фамилию его знаю.

- Ну, да бог с ним. Я, наконец, на свободе. – произнёс это Семён Ильич вроде бы и звонко, но с ноткой угнетённости. – Вот вы давеча о безделье говорили. Я внимательно вас слушал, правда, отвернувшись в окно. Но то не из нежелания с вами общаться, просто это, как бы это сказать, несколько больная для меня тема. Понимаете, я ещё в пути. – он так посмотрел на присутствующих, что стало понятно, что последняя произнесённая им фраза сакральна. – Я на пути к пустоте. – пояснил он. – И, вот как на духу вам сообщу, я очень рад, что на этом пути я повстречал вас. А вообще, страшно: вернусь домой, в пустую квартиру, в пустой город, в пустой мир. Да-да, мир. Ведь из моего пустого окна он, несомненно, будет казаться чудовищно пустым. Я, знаете, некоторый отрезок своей жизни жил как все, так сказать в делах, в броне, как вы давеча выразились. А ведь это действительно броня, мне сразу, как вы сказали, понравилась эта мысль. Мы настолько отвыкли анализировать всё кроме себя, кроме истины себя, в которой вобрано всё. Ведь не даром, чем менее прожил человек, чем менее он знает, чем менее читал и узнавал, я сейчас говорю о детях, тем эгоистичнее они уверены в единичности и, даже неосознанно,

уникальности своего существования. А потом, когда мир всё же заставляет поверить в то, что ты не один, думать об этом, а ещё не приведи господь, говорить – да это же просто неприлично. Мы – коллектив, делающий одно большое дело, и это дело, как ни странно, ни какого отношения к сущности человека не имеет. Ну, это же парадокс. Всеволод, Катерина, поймите, мои дорогие попутчики, если меня впервые за сто десять лет, что я топчу землю, эти мысли посетили лишь на подъезде к безделью, то, что будет, когда я с головой окажусь в его пасти. Да я же сопьюсь или с ума сойду.

- Вы отравитесь. – напряжённо промолвила Катерина.

- Отравлюсь. – тихо согласился с ней Семён Ильич. – По-этому срочно же, срочнейшим же образом, сразу по приезду, не заходя домой, я отправлюсь на поиски работы, и сразу же, как устроюсь, я стану по вечерам выпивать и смотреть телевизор, в по выходным заведу привычку: летом огород, зимой баня, осенью и весной театр. Как вы считаете, я смогу побороть себя?

- Такими изуверскими методами вы не только себя поборете, но ещё и, глядишь, детей догадаетесь завести.

- Это верно... – ещё больше сник Семён Ильич. – Так что ж делать?

- Ищите источник с целебным напитком. – повторила свою мысль

Катерина. – Даст бог, найдёте.

- А ежели не найду?

- Тогда спивайтесь. – Катерина со скоростью пантеры подскочила к окну и выбросила в открытую форточку свёрток с младенцем.

Отдышавшись, она вернулась на место и, потупившись, произнесла:

- Если после всего того, о чём мы с вами сейчас, я уверена, искренне разговаривали вы выдадите меня милиции, я навсегда разочаруюсь в людях. – и тут же, как будто ничего не произошло, добавила: - А за что вы, Семён Ильич, срок мотали?

- За-а-а... – Семён Ильич поднял водянистые глаза в небо. – За убийства. – и захихикал.

- А чего вы смеётесь?

- Да так. – он махнул ладонью. – Людей наубивал тьму, как посчитали следователи, а на самом деле почти все они сами умерли. Вот такая не состыковочка. Жил я с родителями, а один из них оказался и вовсе не родителем, а родителем был другой, а у него...